

ИНКВИЗИТОР ИМЯ ФЕНИКСА

Михаил Орлов

Михаил Орлов

Инквизитор. Имя Феникса.

«Автор»

2026

Орлов М. Ю.

Инквизитор. Имя Феникса. / М. Ю. Орлов — «Автор», 2026

Третья книга захватывающей исторической мистории о следователе из нашего времени, заброшенном в средневековую Испанию. Диего и его верные спутники — палач-лекарь Мануэль и старый солдат Педро — становятся изгоями. Их преследует всемогущий герцог Альба, а за спиной тлеют костры инквизиции. Беглецы находят временное убежище в глухой деревне, но и там их настигает тень прошлого: пропавшие девочки, жестокий сеньор и тайна, ведущая к Ордену Феникса. Новая миссия уводит героев через заснеженные Пиренеи, в подземелья Лиона, во дворец кардинала Борджиа и к Лоренцо Медичи во Флоренции. Кто стоит во главе Ордена? Ответ скрывается за одной фамилией — Сантанхель. И этот человек ближе к королю, чем кто-либо мог предположить. Погони, ловушки, предательство в высших кругах и цена, которую приходится платить за правду. Диего узнает, что значит быть «ключом» между мирами, и кто на самом деле является Фениксом, возрождающимся из пепла. Расследование продолжается. Имена названы. Охота начинается.

© Орлов М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужие грехи	6
Глава 2. Немой свидетель	11
Глава 3. Ночной гость	17
Глава 4. В логове	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Орлов

Инквизитор. Имя Феникса.

Все персонажи и события, описанные в книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими или когда-либо существовавшими людьми случайны.

Все описанное в книге является художественным вымыслом автора и на историческую достоверность не претендует.

Глава 1. Чужие грехи

Дорога кончилась там, где кончается надежда на скорую смерть, — в грязи, под косым дождём, на пороге покосившейся хижины, которую местные называли постоянным двором, а я про себя — склепом с нарами.

Мы шли шесть дней. Точнее, ковыляли, как разбитая армада, оставляя за спиной Толедо, его тёплые багровые стены и запах жареного каштана с площади Святой Иусты. Я не оборачивался. Потому что знал: если обернусь, увижу не город, а костёр, на котором сожгли Лекаря. Дым вьёлся в плащ, в волосы, в память. Он преследовал нас даже здесь, на северной границе, где вместо ладана пахло мокрым козлом и прелой соломой.

Мануэль, как всегда, шёл первым, неся в холщовой сумке свои инструменты и то, что осталось от его совести. Он не жаловался на дорогу, на погоду, на то, что мы, по сути, беглецы, а не сыщики. Только однажды, на ночлеге в покинутой кузнице, он сказал, глядя на тлеющие угли: «Боль не проходит. Она просто меняет хозяина». Я не спросил, кого он имел в виду — Лекаря, себя или тех детей, которых мы не успели спасти. Иногда лучше не знать.

Педро плёлся сзади, придерживая под уздцы двух захудалых лошадей, которых мы купили у контрабандиста за последние мараведи. Он молчал и злился. На себя, на Хуана, на всё мироздание. Хуан ехал верхом, хотя его правое плечо всё ещё ныло, а пальцы не сгибались. Он держался в седле левой рукой, криво, неуклюже, как кукла, которую насадили на кол и забыли закрепить верёвками. Но он держался. И это было важнее всякой магии.

Деревня, куда нас привёл старый трактирщик за плату в виде серебряного крестика (я солгал, что он освящён в соборе Сантьяго), называлась Валье-де-лос-Муэртос — Долина Мёртвых. Жители, впрочем, были живы и даже плодовиты, только очень бедны и очень напуганы. Дорог сюда никто не прокладывал, подати собирали раз в год, а письма из Толедо шли по три месяца, если вообще доходили. Идеальное место, чтобы спрятаться. Идеальное, чтобы сойти с ума от скуки и запаха козьего сыра.

— Дальше не пойдём, — сказал я, когда дворник, красномордый тип с глазами-щелками, вынес нам ключ от комнаты. — Здесь пересидим.

— Пересидим? — Педро хмыкнул, оглядывая убогое строение. — Сеньор, эту конуру даже крысы покинули. Мы что, будем месяц жевать чёрствый хлеб и ждать, когда нас найдут люди Мендоса?

— Будем жевать, — спокойно ответил я, входя внутрь. — И слушать. И ждать не месяц, а пока Хуан не научится держать меч левой рукой, а у Мануэля не кончатся травы от кашля, которым мы тут все переболеем от сырости.

Хуан, слезая с лошади, оступился, упал в лужу и выматерился так сочно, что даже Педро на секунду забыл о своём ворчании. Я помог парню подняться, ощутив под пальцами трясущуюся руку.

— Я... я справлюсь, — прохрипел он, отряхиваясь. — Просто нога соскользнула.

— Нога? — я поднял бровь. — А левая рука, которой ты держался за луку седла, тоже соскользнула? Или она просто решила, что у неё выходной?

Хуан покраснел, смешал грязь с кровью из разбитых губ (упал лицом в скобу стремени, но врать не стал). Мануэль молча вытер ему лицо своей тряпицей, потом так же молча увёл в дом, бросив через плечо:

— Не зудит. Он старается.

Я зудил. Потому что, чёрт возьми, если мы не будем зудить друг на друга, то начнём бояться. А страх в такой глуши — худший попутчик.

Комната, которую нам выделили, была одна на четверых. Точнее, закуток, отгороженный от конюшни дощатой перегородкой. Пахло навозом, кислым пивом и чем-то сладковато-гни-

лостным — то ли прошлогодней капустой, то ли надеждами. Нары — три — стояли вдоль стен, покрытые соломой, которая, судя по следам, видела не одно поколение блох. Окна не было, только продушина под крышей, затянутая мутным пузырьём бычьего пузыря. Света от неё — ровно ноль. Зато сквозняк гулял, как привидение.

— Роскошно, — я сбросил плащ на ближайшие нары. — Прямо как в лучших домах Мадрида.

— В Мадриде вонь другая, — буркнул Педро, проверяя угол на предмет крыс. — Там пахнет лицемерием и жареным маслом.

Мануэль уже разложил свои склянки на единственном столе — шатком, одноногим, подпертом обломком кирпича. Он не участвовал в перепалках. Он вообще редко участвовал в чём-либо, кроме допросов и врачевания. Его молчание всегда было тяжелее любого слова.

К вечеру в деревне началось то, ради чего нас сюда, видимо, и привела судьба.

Стук в дверь. Не вежливый, не робкий — требовательный, как у налогового инспектора, который знает, что ты что-то скрываешь. Педро потянулся к мечу, я жестом остановил его, встал и открыл.

На пороге стоял местный священник — тощий, длинный, в рясе, замызганной до такой степени, что цвет можно было угадать только по вороту, где ещё сохранилась грязно-белая полоска. За его спиной маячил староста — коренастый, кривоногий, в шапке, из-под которой торчали седые космы, похожие на паклю.

— Вы — приезжие, — сказал священник, не спросив, а утверждая. — Говорят, вы из Толедо. И при вас есть... лекарь.

Я молчал, разглядывая его. Глаза у него были бегающие, нервные, пальцы перебирали край сутаны, как чётки. Он боялся. Не нас — того, о чём собирался говорить.

— Есть, — ответил я. — Но мы здесь не для того, чтобы лечить.

— А для чего? — вступил староста. Голос — силовый, грубый, как невытая шерсть.

— Отдыхаем. Горы полезны для здоровья.

— Для здоровья? — священник перекрестился. — Тут, в Долине Мёртвых? Вы, наверное, шутите, сеньор.

— Я редко шучу. И если шучу, то зло. — я скрестил руки на груди. — Что случилось?

Священник и староста переглянулись. Потом священник сделал шаг вперёд, понизил голос до исповедального шёпота:

— Проклятие. Ночное проклятие. В семье Санчесов, что живут на отшибе, у оврага. Две недели подряд их старший сын, Мартин, выходит ночью из дома. Ходит по двору, говорит на непонятном языке, закатывает глаза. Жена его боится, дети плачут. В прошлую ночь он взял нож. Хорошо, успели отнять.

Староста добавил, сплюнув через левое плечо:

— Люди говорят — одержимый. Надо изгонять.

Я посмотрел на Мануэля. Тот, даже не подходя к двери, продолжал перебирать склянки. Потом, не оборачиваясь, бросил:

— Ночные хождения, закатывание глаз, нечленораздельная речь. Судороги? Бывает, что падает и бьётся?

— Бывает, — подтвердил священник, удивлённо глядя на него. — Вы... вы знаете это? Это что, бес?

— Возможно, — Мануэль наконец повернулся, и его спокойные глаза, словно два ледяных камня, уставились на служителя церкви. — А возможно, эпилепсия. Или сомнамбулизм. Или просто дурак, который решил, что он пророк. Я должен посмотреть.

Он встал, взял сумку и направился к выходу, не спрашивая моего разрешения. Я не стал его останавливать. Потому что — чёрт возьми — это и был наш шанс. Не просто спрятаться, а

стать своими. Если мы вылечим человека, которого считают проклятым, — нас примут. Если нет — нас выгонят, и мы уйдём дальше, туда, где ещё темнее.

Я пошёл за ним. Педро остался с Хуаном.

Улицы Долины Мёртвых в сумерках выглядели именно так, как и следовало ожидать: узкие, грязные, с домами, прижатыми друг к другу, как грешники в чистилище. Кое-где горели масляные лампы, но их свет был слаб, и тени прыгали по камням, словно бесы на сковородке. Пахло дымом, кислой капустой и мочой — привычный букет любой средневековой деревни.

Дом Санчесов стоял на самом краю, у оврага, где внизу что-то плескалось и журчало — то ли ручей, то ли просто дыхание бездны. Дверь была подперта изнутри, ставни заколочены. Пахло здесь кислее, чем на улице, — прелой соломой, детскими пелёнками и тем особенным, затхлым духом, который бывает в домах, где долго живёт страх. Когда священник постучал, изнутри донёлся приглушённый, срывающийся голос:

— Кто там?

— Открой, это я, отец Эстебан, — священник кашлянул. — С нами... лекарь. Из города.

Дверь открылась не сразу. Женщина — худая, с осунувшимся лицом, в чёрном платке — впустила нас, окинула взглядом, полным одновременно надежды и ужаса. В углу на лавке сидел мужчина, опустив голову на руки. В кровати плакал ребёнок. На печи кто-то покашливал.

— Где больной? — спросил Мануэль, не тратя время на приветствия.

— В горнице. Мы его связали, — женщина всхлипнула. — Прошлой ночью он чуть не зарезал брата. Мы не знали, что делать.

Мануэль вошёл в горницу, я — за ним.

Мартин Санчес был парнем лет двадцати, крепким, с широкими плечами и руками, привыкшими к топору. Сейчас он лежал на лежанке, привязанный верёвками к стене. Глаза его были открыты, но взгляд — остекленевший, бессмысленный. Губы шевелились, издавая нечленораздельные звуки — что-то между молитвой и ругательством.

— Эпилепсия? — тихо спросил я у Мануэля.

Тот уже щупал пульс, заглядывал в зрачки, поднимал веко.

— Похоже. Но не только. Видишь ссадины на локтях? Он падает. И следы от укусов на языке — прикусывает во время припадков. — Мануэль отпустил его руку. — Однако родные говорят, что он ходит ночью. Сомнамбулизм на фоне эпилепсии — редкость, но бывает.

— То есть не бес?

— Бес бы выглядел аккуратнее, — Мануэль усмехнулся — мрачно, без тени веселья. — И пахло бы от него серой. А тут — обычный пот и страх. — Он повернулся к священнику: — Вы, святой отец, серу нюхали? В аду, говорят, так и воняет.

Священник побледнел, перекрестился, но промолчал. Зато староста хмыкнул — похоже, ему понравилась моя дерзость.

Я вздохнул с облегчением. Не потому, что боялся настоящего беса (хотя кто их знает, в этом мире), а потому, что болезнь мы могли объяснить. А значит — спасти парня от костра.

Мы вышли из горницы. Женщина стояла у двери, ломая пальцы.

— Он не одержим, — сказал я громко, чтобы слышали и священник, и староста. — Это болезнь. Головная. Припадки. Я видел такое в... в странствиях.

— В странствиях? — переспросил отец Эстебан, с подозрением глядя на меня. — А я слышал, что припадки — это беснование. Святой Бернارد писал...

— Святой Бернارد не был лекарем, — перебил Мануэль, даже не повернув головы. Он всё ещё стоял у лежанки, рассматривая ногти больного. — И говорю вам: если это бес, пусть святая вода сделает своё дело. Кропите. Но не вяжите. Верёвки только усилят страх, а страх — это то, чем бес и питается.

Отец Эстебан перекрестился, но промолчал. Староста сплюнул: — А если он ночью кого зарежет? Вы, городские, отвечать будете? — Будем, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Потому что остаёмся здесь. И в первую же ночь, если он встанет, мы его удержим. Без верёвок.

Женщина заплакала, упала на колени, начала целовать мне руки. Я отстранился, помог подняться, сказал — не нужно, мы просто люди.

Мы просто люди. Чёрта с два.

Вернулись мы затемно, под мелкий противный дождь. Педро встретил нас у порога, хмурый, как туча.

— Ну что, лекари хреновы? — он посторонился, пропуская нас внутрь. — Кого спасли? А может, зря? Прибежит его деревня завтра, скажут — вы чародеи, лечите не молитвой, а травой, вот и весь сказ.

— Оставь, Педро, — я устало опустил на нары. — Мы сделали, что могли. Дальше — как Господь даст.

Хуан сидел на лежанке, сжимая в левой руке деревянный нож, которым тренировался — резал воображаемого противника. Пот на лбу, зубы сжаты.

— Опять тренируешься ночью? — я посмотрел на него. — Тебе бы спать.

— Не могу, — ответил он, не отрывая взгляда от «клинка». — Рука... левая не слушается. А правая мёртвая. Я должен привыкнуть.

— Привыкнешь. Всеми своё время.

— Времени у нас нет, сеньор, — Хуан наконец поднял глаза. — Вас ищут. В Толедо остались те, кто знает, кто вы. Рано или поздно...

— Рано или поздно мы будем далеко, — перебил Мануэль, входя с улицы с охапкой хвороста. — Или умрём. Переживём и то, и другое.

Он развёл огонь в очаге (каменном, закопчённом, похожем на пасть дракона), и мы устроились вокруг, грея руки. Пахло дымом, сыростью и тем странным спокойствием, которое приходит после сделанного дела.

— Завтра, — сказал я, глядя на тлеющие угли. — Завтра узнаем, приняли нас или нет. А пока — спать.

Я лёг, накрылся плащом, закрыл глаза.

Я уснул под звук дождя и далёкий, полуночный крик — то ли птица, то ли человек, то ли моё собственное эхо.

Клинок лёг в левую руку легче, чем я ожидал. Тяжесть дерева привычная, почти родная. Но пальцы всё равно немеют через минуту, и Хуан ругается сквозь зубы, шепча то, чему научился у солдат.

В доме тепло. Пахнет наваром из козлиных рёбер, который Мануэль сварил, пока меня не было. За стеной кто-то кашляет — старуха, которую мы подкармливаем, потому что внуки её ушли в город, а кормить некому.

Педро спит сидя, прислонившись к косяку, с мечом на коленях. Он так и не научился доверять тишине. И правильно. «Старый солдат знает: тишина — это затишье перед ударом», — проронил он однажды. С тех пор я не спорю. Потому что он всегда оказывается прав.

— Спи, — шепчет Мануэль из темноты. — Завтра нужны силы.

— Тебе тоже.

— Я уже сплю. Просто говорю с тобой.

Я улыбаюсь — в который раз — его мрачному юмору.

И проваливаюсь в сон без сновидений.

Но через час — или через век? — меня будит звук. Тонкий, высокий, как комариный писк, но не комар. Это скрипит половица. У самой двери. Я не открываю глаза, только сжимаю под плащом рукоять ножа. Мануэль спит? Или тоже слушает?

Тишина.

Потом — мягкий шаг, удаляющийся. И снова — ничего.
Я жду. Сердце стучит в тишине.
За стеной, в конюшне, всхрапывает лошадь. Больше ни звука.
Может, показалось? Но с этой ночи я перестал спать без ножа под рукой.

Глава 2. Немой свидетель

Утро пришло не с петухами — они здесь дохли от тоски, — а с мокрым, липким холодом, который пробирался сквозь щели в стенах, как вор, знающий, где лежат ценности. Я открыл глаза и первым делом проверил нож под плащом. На месте. Вторым делом — дверь. Заперта на тот самый хлипкий засов, который мы с Педро подперли ещё с вечера колом от разбитой телеги. Кол на месте. Засов на месте. Но осадочек, как говорят в моём времени, остался.

Педро уже не спал. Сидел на нарах, натягивал сапоги, хмурый, как стена крепости перед штурмом.

— Слышал? — спросил я, не уточняя, о чём.

— Слышал, — буркнул он, затягивая ремень. — Полночь. Шаги. Кто-то ходил у двери. Я тогда не встал — думал, показалось. А теперь думаю, что зря.

— Ты не вставал, потому что тебя разбудил не страх, а привычка. А привычка говорит: если враг не ломится в дверь, значит, он не хочет, чтобы его услышали.

Педро покосился на меня, но спорить не стал. Мануэль уже возился у очага, раздувая угли. За ночь они почти погасли, и в комнате стоял холод, который, казалось, имел вес и форму — тяжёлое, серое одеяло, наброшенное на плечи.

— Проверю следы, — сказал я, поднимаясь.

Дверь скрипнула, выпуская меня в коридор. Деревенский постоянный двор был устроен так, что любая приватность считалась роскошью: наши нары отделяла от общей залы только гнилая дощатая перегородка, а от улицы — такая же хлипкая дверь с железной ручкой, которая раскачивалась, как зуб старика. Пол был земляной, утрамбованный, с вкраплениями соломы. И на этой земле, прямо у порога, темнели пятна.

Я опустился на корточки, провёл пальцем по одному из них. Земля липла к подушечкам — холодная, с мелким песочком и запахом прелой грязи, в которую кто-то вдавил подошву. Сыро. И не просто от росы — влага проступила там, где кто-то стоял достаточно долго, чтобы подмёрзшая земля оттаяла под подошвой. В моём времени мы бы залили такой след гипсом, сфотографировали и отправили в лабораторию. Здесь у меня были только палец и память. Один след. Мужской, судя по размеру. Или женщины с очень большими ногами — тоже вариант, но в этой деревне таких я пока не видел.

— Один? — Мануэль подошёл бесшумно, как всегда, и я чуть не вздрогнул.

— Один. Стоял. Долго. Потом ушёл.

— Не ломился, не стучал. Просто стоял.

— И слушал, — добавил я.

Мы переглянулись. В этом взгляде было всё: и то, что нас нашли быстрее, чем мы рассчитывали, и то, что тот, кто нашёл, пока не решил, что делать дальше. И то, что теперь ночной сон станет ещё более коротким.

Вернувшись в комнату, я застал Хуана за тренировкой. Он стоял у стены, сжимая в левой руке деревянный нож — тот самый, которым резал воздух вчера. Пальцы побелели от напряжения, на лбу выступила испарина, хотя утро было холодным. Педро сидел напротив, наблюдал, изредка кидал короткие замечания:

— Ниже держи. Не в запястье — в плече. Забудь, что у тебя есть правая. Её нет. Совсем.

Хуан кивнул, перехватил нож, снова замер, потом сделал выпад. Короткий, резкий, но рука дрогнула, и лезвие ушло в сторону.

— Пальцы не держат, — выдохнул он, опуская оружие.

— Не держат, потому что ты их сжимаешь, как клещами, — Педро встал, подошёл, поправил его хват. — Представь, что держишь не нож, а... ну, хоть женщину за талию. Крепко, но нежно. Чтобы не вырвалась, но и не задохнулась.

— А если она захочет вырваться? — спросил я.

— Тогда держи крепче, — ответил Педро, не моргнув глазом.

Хуан покраснел, но усмехнулся. Пожалуй, впервые за несколько дней. Мы рассмеялись — впервые за долгое время.

— А если я никогда не держал женщину за талию?

— Тогда представь, что держишь кружку с горячим отваром, — вмешался я, садясь на нары. — Чтобы не обжечься, но и не уронить.

— Это проще, — Хуан попробовал снова. На этот раз клинок встал ровнее.

Мануэль тем временем разлил отвар по деревянным кружкам — единственная роскошь, которую мы себе позволяли. Пахло мятой и ещё какой-то горькой травой, названия которой я не знал. Мануэль называл её «просветляющей» и говорил, что она полезна для тех, кому предстоит думать на голодный желудок. Сегодня думать предстояло мне.

Завтрак был скудным — чёрствый хлеб, размоченный в тёплой воде, да кусок козьего сыра, который мы купили у местной вдовы. Сыр пах так, что мог бы служить оружием массового поражения, но это было калорийно, а в наших обстоятельствах калории важнее вкуса.

— Кто-то стоял у двери ночью, — сказал я, жуя хлеб. — Один. Слушал. Ничего не тронул.

— Может, просто пьяный ошибся дверью, — предположил Педро, хотя сам в это не верил.

— В полночь? В трезвой деревне, где вино дороже крови? — Мануэль отхлебнул отвар, поморщился. — Нет. Это не ошибка.

— Тогда кто? Люди Мендоса? — спросил Хуан, и рука его сжала деревянный нож так, что костяшки побелели.

— Не похоже, — я покачал головой. — Если бы они знали, где мы, они бы не стояли под дверью, слушая, как мы храпим. Они бы вломились, связали и повезли в Толедо. Или прирезали прямо здесь, чтобы не возиться.

— Значит, кто-то из местных, — заключил Педро. — Решил проверить, что за странные лекари пожаловали.

— Проверил — и ушёл, — я доел хлеб, вытер пальцы о плащ. — Будем ждать. Если это был просто любопытный, он больше не придёт. Если шпион — придёт снова.

Разговор прервал стук в дверь. На этот раз — робкий, неуверенный, совсем не похожий на вчерашний требовательный. Педро взялся за меч, я жестом остановил его, встал и открыл.

На пороге стояла женщина. Та самая, из семьи Санчесов — худая, в чёрном платке, с красными от слёз глазами. В руках она держала узелок, перетянутый грязной тряпицей.

— Сеньор... лекарь... — голос её дрожал, но не от страха — от благодарности. — Он... Мартин... ночью встал.

Я напрягся, ожидая продолжения.

— Встал, — повторила она, — но ножа не взял. Мы спрятали, как вы велели. Он походил по горнице, пошептал что-то, а потом лёг сам. И уснул. Впервые за две недели. Спасибо вам, сеньор, спасибо...

Она опустила на колени, протягивая узелок. Я взял, развязал. Внутри лежали два яйца, горсть сушёных яблок и маленький глиняный горшочек, запечатанный воском.

— Мёд, — пояснила женщина. — Собственный. Для вас. Для всех.

Я хотел отказаться, но Мануэль уже подошёл, взял горшочек, понюхал и кивнул.

— Мёд хорош. От кашля, от ран, от тоски. Спасибо, донья.

— Не донья я, — женщина смутилась, поднялась. — Простая женщина. Но если бы не вы...

— Если бы не мы, ваш муж сегодня был бы связан по рукам и ногам, — перебил я, хотя и без жёсткости. — А через неделю — на костре. Потому что страх лечит только знание, а не веревки. Теперь вы знаете. Идите. И следите, чтобы ножи были подальше.

Она ушла, а мы остались с мёдом, яйцами и новым статусом: теперь мы не просто приезжие, а «те самые лекари», которые спасли семью от проклятия. Слава в деревне распространяется быстрее чумы. И так же непредсказуемо.

— Доброе дело, — Педро хмыкнул, разглядывая яйца. — Может, теперь нас не прогонят?

— Может, теперь у нас будет больше работы, — ответил Мануэль, пряча горшочек в свою сумку.

Он оказался прав. Не прошло и часа, как дверь снова закрипела. На пороге стоял староста — тот самый, коренастый, кривоногий, в шапке, съехавшей набок. И лицо у него было другое: не вчерашнее, настороженное, а растерянное, почти испуганное.

— Сеньор лекарь, — он запнулся, посмотрел на Мануэля, потом на меня. — У нас новая беда.

— Садитесь, — я указал на скамью. — Рассказывайте.

Староста сел, снял шапку, покрутил её в руках, как чётки.

— Есть у нас одна девка. Марией звать. Двадцати годов. Жила с матерью, отца схоронила зимой. Тихоня, работающая, никогда ни с кем не ссорилась. А третьего дня пошла в лес за хворостом. И нашла...

Он замолчал. Пальцы его побелели, вцепившись в край шапки.

— Что нашла? — спросил я тихо, хотя уже знал ответ.

— Тело, — выдохнул староста. — Девочки. Лет десяти. В овраге, за старым дубом. Вся в крови, изодранная. Мы... мы не знаем, кто это. Чужая, не из нашей деревни. Может, прохожая. Может, из горных.

— И что с Марией? — Мануэль подошёл ближе.

— Она... она не говорит, — староста поднял на нас глаза, полные ужаса. — Вернулась из леса, побелела как мел, открыла рот — и ни звука. Уже третий день молчит. Мать её плачет, молится. Местный знахарь сказал — порча. Что злой дух вошёл в неё, когда она на тело посмотрела.

Я переглянулся с Мануэлем. Психогенная немота — классический случай. Травма настолько сильная, что психика блокирует речь. В моём времени это лечили психотерапией и временем. Здесь — считали беснованием.

— Это не порча, — сказал я, вставая. — И не бес. Это страх. Она увидела то, что человеческий разум не может принять, и замолчала, чтобы не сойти с ума.

— А вы откуда знаете? — староста уставился на меня.

— Видел такое. В странствиях. — я взял плащ, набросил на плечи. — Ведите. Только условие: никаких заговоров, никакой святой воды. Я должен поговорить с ней сам. И с её матерью.

— А если она не заговорит?

— Заговорит, — ответил Мануэль, тоже собираясь. — Или мы узнаем почему.

Дом Марии стоял в центре деревни, но выглядел так же убого, как и все остальные: каменные стены, соломенная крыша, закопчённое оконце, затянутое бычьим пузырьком. Внутри пахло щами, сыростью и тем особенным, горьким запахом, который бывает в домах, где живёт беда.

Мать — полная, краснолицая женщина — встретила нас с надеждой и ужасом одновременно. Мария сидела на лавке у печи, сложив руки на коленях. Лицо её было белым, глаза пустыми. Когда мы вошли, она даже не подняла головы. Только пальцы слегка дрогнули — вот и всё.

— Мария, — я сел напротив, стараясь не нависать, не давить. — Меня зовут Диего. Я не священник и не знахарь. Я тот, кто видел таких, как ты. И помогал им.

Она не ответила. Даже не посмотрела на меня.

— Ты не обязана говорить, — продолжал я. — Но ты будешь кивать или качать головой. Договорились?

Никакой реакции. Я вздохнул, перевёл взгляд на мать.

— Что она делала в лесу?

— Хворост собирала, как всегда, — женщина всхлипнула. — Она каждый день туда ходит. Там сушняка много. А тут... вернулась — и молчит.

— С кем-нибудь встречалась? Говорила с кем-то перед тем, как уйти?

— Нет. Одна пошла.

Я посмотрел на Марию. Её пальцы продолжали слегка подрагивать, но больше — ничего.

— Мария, — я наклонился чуть ближе. — Ты не виновата в том, что случилось с той девочкой. Ты её не убивала. Ты просто нашла. И это страшно. Я знаю. Я видел мёртвых. Много. И каждый раз — страшно. Но страх проходит. А молчание — нет. Оно остаётся. И ты останешься с ним навсегда, если не попробуешь его сломать.

Ни звука. Только её дыхание — чуть более частое, чем раньше.

Мануэль стоял у двери, скрестив руки на груди, и наблюдал. Потом вдруг спросил:

— У тебя есть жених?

Мать Марии удивлённо моргнула.

— Был, — сказала она. — Уехал в город на заработки. Полгода вестей нет.

— Ты боишься, что он тебя бросил? — Мануэль обращался к Марии, и его голос, обычно сухой и ровный, вдруг стал мягче. — Боишься, что он нашёл другую? Или что он умер?

Пальцы Марии сжались в кулак. Впервые с начала разговора.

— Это он, — сказал Мануэль мне, не отводя глаз от девушки. — Дело не только в мёртвой девочке. Дело в страхе потери. Она боится, что того, кого она ждала, больше нет. Или что он её не дожждётся. И когда она увидела тело в лесу, этот страх слился с другим.

Я кивнул. Психология — штука сложная, особенно когда не можешь задать прямой вопрос. Но Мануэль, сам не зная того, использовал метод, который в моём времени называли «проективной идентификацией». Не спрашивал — утверждал. И смотрел на реакцию.

— Мария, — я снова попытался. — Тот парень... как его зовут? Она молчала. Но губы её дрогнули. — Не надо говорить, — я понизил голос. — Просто кивни, если я угадаю. Его зовут... Педро?

Нет.

— Хуан?

Я перебирал имена, которые были у нас на слуху. Педро — старый солдат, вряд ли девушка ждала бы его. Хуан — молодой, его ровесник. И я вспомнил, как наш Хуан обмолвился в дороге, что в этой деревне у него была знакомая, которую он обещал навестить, если останется жив. Тогда я не придавал значения. Теперь...

Миг — и едва заметное движение. Кивок.

— Хуан, — повторил я. — Он обещал вернуться?

Снова кивок.

— И ты ждёшь.

Кивок. И на глаза её навернулись слёзы.

— Ты боишься, что он не вернётся. Или вернётся не к тебе. А в лесу... ты увидела девочку и подумала: «А вдруг и со мной так? Вдруг меня убьют? Или я умру, и он никогда не узнает?»

Она заплакала. Беззвучно, только плечи тряслись, и слёзы текли по щекам, падая на сложенные руки. Мать бросилась к ней, обняла. А я встал, отошёл к окну, чтобы не мешать.

— Она заговорит, — тихо сказал Мануэль. — Не сегодня, но заговорит.

— Откуда знаешь?

— Потому что ты назвал имя. И она заплакала. Страх вышел вместе со слезами. А значит, у неё есть шанс.

Я вздохнул. В моём времени ей бы прописали седативные и направили к психотерапевту. Здесь — только время и поддержка близких. И, может быть, чудо.

Выходя от Марии, мы столкнулись на пороге с отцом Эстебаном. Священник был бледен, под глазами залегли тени — видно, тоже не спал.

— Ну что? — спросил он. — Порча?

— Болезнь, — ответил я коротко. — Страх. Она заговорит, когда пройдёт.

— А тело? Девочка? Что с ней?

Я посмотрел на Мануэля. Тот кивнул.

— Покажи, — сказал я.

Тело нашли за деревней, в овраге, куда свозили мусор и дохлых животных. Пахло здесь мерзко — гнилью, сыростью, смертью. Сладковатый, тошнотворный запах разложения смешивался с прелой листвой и чем-то кислым, как прокисшее молоко. Мануэль опустился на колени, откинул край рваной тряпицы, которой тело было прикрыто. Я подошёл ближе, заставляя себя смотреть.

Девочка. Лет десяти-одиннадцати. Худющая, грязная, в лохмотьях, которые когда-то были платьем. Кожа — серо-жёлтая, с синими разводами там, где кровь застыла под кожей. Но не это привлекло моё внимание — раны. Множество глубоких рваных ран на руках, на шее, на лице. И ни одной — смертельной. Мануэль перевернул её руку холодными, уверенными пальцами.

— Её не убивали, — сказал он, осматривая тело. — Её мучили. Долго. Потом бросили.

Я почувствовал, как к горлу подступает желчь. Сдержался. Только спросил:

— Сколько?

— Дней пять, — ответил Мануэль. — Может, неделя. Но она умерла не от ран. От страха.

— Кто? Зачем? — спросил священник, крестясь.

— Не знаю, — я покачал головой. — Но это не зверь. И не разбойники. Слишком аккуратно.

Мануэль поднял её руку, показал мне. Запястья в странных полосах, как будто их терли верёвкой. Но не той, что связывают — той, что привязывают к чему-то. И следы уколов. Много. Тонкие, как от иглы.

— Знакомая работа? — тихо спросил я.

— Нет, — Мануэль покачал головой. — Лекарь делал иначе. Этот — подражает. Грубо. Не понимает, что делает.

— Но учится? — спросил я.

— Учится. И это страшно.

Мы вернулись на постоялый двор уже в сумерках. Педро встретил нас у порога, хмурый, с мечом в руке.

— Вы долго, — сказал он.

— Проблемы? — спросил я.

— Не знаю. Но пока вас не было, кто-то снова приходил. Оставил это.

Он кивнул на порог. Там лежал свёрток — грязная тряпица, перетянутая бечёвкой. Я опустился на корточки, развязал. Внутри оказался старый кинжал. Лезвие в зазубринах, рукоять обмотана вытертой кожей. И на лезвии — тёмные пятна. Кровь. Старая, въевшаяся в металл, но её было много. Слишком много.

— И это, — Педро протянул сложенный лист грубой бумаги.

Я развернул. Буквы кривые, неумелые, выведенные чем-то острым — может быть, тем же кинжалом, обмакнутым в чернила. Но разобрать можно.

«Не лезьте туда, где не ждали».

Я перечитал несколько раз. Потом передал Мануэлю.

— Тот, кто стоял ночью у двери, — сказал я. — Он вернулся. Но теперь не слушал. Оставил подарок.

— Предупреждение, — поправил Мануэль, разглядывая кинжал. — Или приглашение.

— К чему?

— К тому, что мы должны убраться, пока не поздно.

В комнате повисла тишина. Хуан сжимал деревянный нож так, что пальцы побелели. Педро поглаживал рукоять меча, глядя в одну точку. Мануэль спрятал кинжал в сумку — для улик. А я смотрел на дверь, за которой сгущались сумерки, и думал: кто этот «незванный гость»? Тот, кто боится, что мы найдём тело девочки и спросим, откуда оно взялось? Или тот, кто сам его туда положил? Сердце в груди заныло — не больно, а тревожно, как напоминание: ты не в безопасности. И никогда не будешь.

— Завтра, — сказал я. — Завтра иду в лес. На то место, где нашли тело.

— Один? — спросил Педро.

— Вдвоём с Мануэлем. Ты останешься с Хуаном. И будете слушать. Если кто-то снова придёт — не выходите. Только запомните лицо.

— А если вломаются? — спросил Хуан, и голос его дрогнул.

— Тогда кричите, — я усмехнулся, хотя на душе скребли кошки. — Мы услышим.

Ночь наступила быстро. За окном — прости, за продушиной — выли собаки, и ветер гулял по улицам, завывая в щелях. Я лежал на нарах, сжимая в руке нож, и ждал шагов. Но шагов не было. И перед самым рассветом я понял: записка была не предупреждением. Это был вызов. «Не лезьте туда, где не ждали». А мы, чёрт возьми, только туда и лезем.

Я закрыл глаза, но не уснул. Только слушал темноту.

За стеной кто-то всхрапнул — Педро, или лошадь, или сама тьма. И вдруг — скрип. Не половицы, а двери. Тот самый, который я запомнил прошлой ночью. Всего один скрип, и снова тишина.

— Тихо, — прошептал Мануэль. Я даже не слышал, как он проснулся. — Кто-то у порога.

Мы замерли. Потом — стук. Три удара. Размеренных, как удары сердца. И голос — чуть слышный, через щель:

— Откройте. Я знаю, кто убил.

Глава 3. Ночной гость

Три удара. Размеренных, как удары сердца в предчувствии беды. Я замер, сжимая нож под плащом. Педро уже был на ногах — бесшумно, по-звериному, с мечом в руке. Хуан при-встал на нарах, левая рука с деревянным клинком дрожала.

— Откройте, — повторил голос. Хриплый, чужой. Но не угрожающий — усталый. — Я знаю, кто убил. И кто следующий.

Мануэль подошёл к двери, посмотрел на меня. Я кивнул. Он отодвинул засов, и дверь со скрипом отворилась, впустив клуб холодного воздуха с запахом прелой листвы и дыма.

На пороге стоял мужчина лет сорока — от него пахло дымом, старой кожей и конским потом, будто он проскакал не одну лигу. Куртка когда-то дорогая, теперь грязная, прожжённая у плеча — там, где искра от горна попала. Лицо изрезано морщинами, под глазами синие провалы — не спал несколько ночей. В руках ничего. Но за поясом — нож в потёртых ножнах, и рука на нём, не на рукояти, а просто придерживает, как делают те, кто привык к оружию, но не хочет выглядеть угрозой. От его пальцев тянуло железом и угольной пылью.

— Заходи, — сказал я, отступая к очагу. — И закрой дверь.

Он шагнул через порог, притворил за собой, но засов двигать не стал. Оглядел комнату — нары, сумки, очаг, нас четверых. Взгляд задержался на Хуане, на его перевязанной руке, потом снова на мне.

— Ты — главный? — спросил он.

— Я тот, кто слушает. Говори.

Он не сел. Прислонился спиной к косяку, вытер лицо рукавом — пот, или дождь, или то и другое.

— Меня зовут Альваро. Я кузнец. Живу в той деревне, за холмом. Там, откуда та девочка. Я поднял бровь.

— Откуда ты знаешь, что мы нашли тело?

— Потому что это я его положил, — сказал он.

Тишина стала плотной, как дым. Педро чуть изменил стойку — теперь меч был направлен не в пол, а в грудь гостя. Хуан побледнел, но не отвёл взгляда. Мануэль остался неподвижен, только руки его опустились в карманы — туда, где в складках плаща лежали ножи.

— Не бойтесь, — кузнец поднял пустые ладони. — Я не убивал. Я... я нашёл её. Но не побоялся пойти туда, куда другие боятся. Принёс сюда, в овраг, чтобы её увидели. Потому что если бы её никто не нашёл, они бы... забыли. А так — хоть кто-то спросит, чья девочка. Кто её убил.

— Кто? — спросил я.

Он посмотрел мне в глаза. В его взгляде было что-то тяжёлое, как наковальня, — знание, которое он нёс один.

— Местный сеньор. Дон Мигель де Авила. Он у нас старший на трёх деревнях. Ему принадлежат мельницы, лес, дорога. Ему все платят. Даже церковь.

— И зачем ему убивать девочку?

— Не её. — Альваро сглотнул, голос сел. — Их много. Девочки из бедных семей, сироты, те, кого никто не хватится. Он забирает их в свой дом. Говорит — берёт в услужение. А потом... потом они исчезают.

— Ты видел?

— Я... — он запнулся, провёл ладонью по лицу. — Я ковал для него решётки. На подвал. В прошлом году. Толстые прутья, крепкие. Спросил, зачем такие. Он сказал — сбегают работницы. Я тогда не поверил. А потом одна девочка — дочка моего соседа — ушла к нему

в услужение. И не вернулась. Сосед спрашивал — дон Мигель сказал, что она сбежала с солдатами. Никто не поверил, но что сделаешь?

— Ты ходил к нему? Разговаривал?

— Я? — Альваро усмехнулся горько. — Я кузнец. А он — сеньор. У него охрана, земли, право суда. Если бы я пришёл к алькальду, меня бы выгнали. Или посадили за клевету. А девочка та всё равно не вернулась бы.

— А потом?

— Потом ещё одна пропала. И ещё. А я каждую ночь не сплю, потому что слышу — кто-то плачет в подвале, когда я мимо езжу. Не всегда. Иногда тихо. Иногда...

Он замолчал, сжал кулаки.

— Сегодня — тихо? — спросил Мануэль.

— Сегодня — тихо, — ответил Альваро. — Последняя девочка пробыла у него две недели. И потом я нашёл её тело в лесу. Недалеко от дороги. Бросил в овраге, чтобы не сразу нашли.

— Ты подставил деревню? — спросил Педро. — Чтобы они боялись?

— Чтобы вы приехали, — поправил кузнец, глядя на меня. — Слух о том, что в Долине Мёртвых есть лекари из города, которые не боятся бесов, быстро дошёл до нас. Я подумал — если они не побоятся колдовства, может, не побоятся и дона Мигеля.

Я молчал, перебарывая. В моём времени это называлось «вигиланте» — человек, который берёт правосудие в свои руки, потому что закон не работает. Здесь — просто отчаяние.

— Значит, ты рассчитываешь, что мы пойдём к сеньору и потребуем обыскать его дом?

— Я рассчитываю, что вы — инквизиция, — тихо сказал Альваро. — Я слышал, как вас называли. Вы из Толедо. У вас есть власть, которой даже дон Мигель должен подчиняться.

Я усмехнулся, без радости.

— Мы не инквизиция. Мы даже не её тень. Мы те, от кого инквизиция прячется. Но продолжай.

Альваро растерянно моргнул. Я усмехнулся — невесело, скорее с той горечью, которая остаётся после того, как тебя вычеркнули из списков живых.

— Думаешь, если человек служил инквизиции, он навсегда остаётся её псом? Нет, кузнец. Мы — те, кого она вышвырнула, когда мы стали слишком опасными. Слишком много правды нашли. Слишком высоко копнули. Мы задели герцогов, епископов, тех, кто управляет не деревнями, а целыми провинциями. И знаешь, что делает инквизиция, когда её лучшие следователи начинают рыть под своих? Она объявляет их еретиками. Или колдунами. Или просто даёт приказ — «исчезнуть». Мы выбрали третий путь — сбежали сами. Пока нас не сожгли.

Я помолчал, глядя на отблески огня в его глазах.

— Так что мы не в Толедо, и нас никто не пришлёт. Мы здесь потому, что нам некуда больше идти. Но это не значит, что мы забыли, как искать правду. Или что мы боимся тех, кто этой правде мешает.

— А тот парень, у которого ночные припадки? Вы его вылечили. Не молитвой — знанием. — Альваро шагнул ко мне, и Педро предостерегающе поднял меч, но я жестом остановил его. — Значит, и с этим можете справиться. Вы не похожи на тех, кто закрывает глаза.

— Мы похожи на тех, кто хочет жить, — сказал я. — Ты понимаешь, что если мы влезем в дела дона Мигеля, он сожрёт нас и не подавится?

— Понимаю. Но иначе следующая девочка будет из моей деревни. Или из этой. — Он вздохнул. — У него нет пределов. Он уже начал брать детей не только из своих земель — из соседних. Девочка, которую вы нашли, — она из-за гор, из другого владения. Там её ищут. Но не найдут.

Я посмотрел на Мануэля. Тот стоял неподвижно, но в глазах его что-то изменилось — стала проступать та самая холодная, тяжёлая решимость, которую я видел только перед лицом настоящего зла. Он взял со стола гвоздь, выпавший из щели, покрутил в пальцах.

— Это не просто убийца, — сказал Мануэль. — Это система. А систему убивают не ножом. Её душат, перекрывая дыхание. Одно дело — разобрать стену. Другое — не дать построить новую.

— Ты знаешь, сколько их? — спросил я кузнеца.

— Трёх девочек, которые пропали при мне — точно. А до меня — не знаю. Может, пять. Может, десять.

— И никто не искал?

— Искали. Одна мать даже к алькальду ходила. Её выпороли за клевету. После этого все молчат.

Хуан, молчавший до этого, вдруг спросил:

— А эта девушка, Мария? Та, что онемела... Она к этому дону Мигелю как-то относится? Альваро нахмурился.

— Мария — дочка нашего мельника. Тихая, работающая. К сеньору не ходила — он её не трогал, потому что у неё жених из тех мест, где её не спрячешь. А почему ты спросил?

— Она ждёт жениха по имени Хуан, — ответил я, глядя на своего Хуана.

Тот сначала не понял. Потом до него дошло — медленно, как кислота разъедает ткань. Плечи его напряглись, здоровая рука сжала колено, а та, что на перевязи, мелко задрожала. Он посмотрел на меня, потом на Педро, потом на пол.

— Я... я её знаю, — сказал он глухо, будто слова приходилось выдавливать. — Мы были знакомы до того, как меня ранили. Я обещал вернуться. А потом... рука, рана, всё это... я не смог. Она подумала, что я умер. Или бросил.

Он сказал это так тихо, что я услышал, как прогорает уголёк в очаге.

— Она нашла тело, — сказал Мануэль. — И подумала, что так могло быть с ней. Или с тобой. Поэтому и замолчала.

Хуан сжал деревянный нож так, что костяшки побелели.

— Я пойду к ней.

— Ночью? — спросил Педро.

— Сейчас. Пока она не уснула.

Он встал, надел плащ через левое плечо (правое не слушалось). Я хотел сказать, что это опасно, что мы не знаем, кто следит за нами, что ночью в чужой деревне лучше не шататься. Но посмотрел на его лицо и промолчал.

— Иди, — сказал я. — Но не один. Педро, иди с ним.

— Я не нянька, — буркнул старый солдат, но уже поднимался.

— Ты нянька, — сказал я. — Нянька с мечом. Лучшая в этой деревне.

— Тьфу, — Педро сплюнул в угол, но губы его дрогнули в усмешке. Он взял меч, проверил клинок. — Пошли, парень. Только без глупостей. Если кто-то её караулит — не лезь, зови.

Хуан кивнул, и они вышли. Сначала шаги в сенях, потом скрип двери, потом тишина.

Альваро остался. Он смотрел на меня, и в его взгляде была надежда — та самая, которая убивает медленнее любого яда.

— Я не обещаю, — сказал я. — Но я посмотрю. И если то, что ты говоришь, правда... если есть доказательства...

— Какие доказательства нужны? — спросил он. — Трупы? Они в подвале. Я сам слышал, как они плакали. А теперь — тишина. Новый подвал, новые прутья. И стены, в которых не слышно криков.

Я подошёл к очагу, подбросил хворост. Огонь лизнул сухие ветки, вспыхнул, выхватил из темноты наши лица.

— Ты говорил, что дон Мигель берёт девочек в услужение. Что происходит после?

— Не знаю, — Альваро поежился. — Никто не знает. Те, кто выходят... они не говорят. Или их не выпускают.

— А мальчики?

— Мальчиков он не трогает. Только девочек. Лет от десяти до пятнадцати. Потом они исчезают.

Мануэль, всё это время стоявший у стены, шагнул в круг света.

— Это системное зло. Тот, кто имеет власть, защиту и долгий опыт. Таких трудно взять.

— Но можно, — сказал я. — Если знать, где искать.

Альваро рассказал всё, что знал. Про дом дона Мигеля — каменный, с высокой стеной и пристройкой на северной стороне, куда никто не ходит, кроме самого сеньора и его старшего слуги. Про охрану — шестеро наёмников, бывшие солдаты, которые видели и не видят. Про то, что у сеньора есть пристрастие к редким винам и к девушкам, которых он называет «своими птичками».

— Птички, — повторил Мануэль. — Значит, он их коллекционирует.

— И убивает, — добавил я.

— Или продаёт. Или дарит. Неважно. Они — вещи. А вещи не плачут и не жалуются.

Альваро ушёл под утро, оставив нам своё имя и адрес. Он не просил защиты — только справедливости. Или мести. Я не понял.

Хуан и Педро вернулись, когда небо на востоке уже начинало сереть. Хуан был бледен, но спокоен. Педро хмур, как грозовая туча.

— Она заговорила? — спросил я.

— Нет, — ответил Хуан. — Но она написала. На дощечке углём. Я ей сказал, кто я, и она расплакалась. Но потом взяла уголёк и вывела: «Я ждала. Ты вернулся».

— И что дальше?

— Я сказал, что останусь здесь, пока она не заговорит. Что не брошу её. Она улыбнулась — впервые за три дня. Мать говорит, что это чудо.

— Это не чудо, — сказал Мануэль. — Это надежда. Иногда она сильнее любого лекарства.

Педро сел на нары, положил меч на колени.

— Пока мы ходили, у её дома кто-то был. Следы на земле свежие. Двое. Топтались под окном. Я не стал поднимать шум — Хуана бы уложили, если б полез. Но они не заходили. Просто стояли и слушали.

— Как и у нас ночью, — сказал я. — Значит, нас уже пасут.

— Или её, — поправил Мануэль.

Мы замолчали.

Перед рассветом я всё же уснул — на час, не больше. Снилось мне девочка из оврага. Она стояла на дороге и смотрела на меня пустыми глазами. Потом повернулась и пошла в лес. Я хотел пойти за ней, но не мог сдвинуться с места — будто корни выросли из ног.

Проснулся от того, что Педро тряс меня за плечо.

— Вставай. Священник пришёл. Говорит, срочно.

Отец Эстебан стоял в дверях, белый как мел. Ряса на нём была расстёгнута, волосы расчёпаны — видно, одевался наспех.

— Дон Мигель, — выдохнул он. — Он прислал людей. Они ищут вас.

— Кого — нас?

— Лекарей. Говорят, что вы колдуны, что это вы принесли смерть в наши края. Что если мы не выдадим вас, он сожжёт деревню.

— И кто же это говорит? — спросил Мануэль.

— Его старший слуга. Тот, кто всегда при нём. Он привёл пятерых вооружённых людей. Они уже на площади. Староста с ними разговаривает, но...

— Что — но?

— Он сказал, что если вы не выйдете сами, они войдут. И тогда трупов будет больше, чем от чумы.

Я вздохнул, надел плащ, проверил нож.

— Педро, ты с Хуаном остаётесь здесь. Если что — уходите к Марии, в её дом. Там вас не будут искать.

— А ты? — спросил Хуан, и голос его дрогнул.

— А мы с Мануэлем пойдём поздороваемся.

Мы вышли на улицу.

Утро было серым, холодным, с мелким ледяным дождём, который бил в лицо, как тысячи игл. Площадь перед церковью была полна народу — крестьяне, женщины с детьми, старики. И в центре — шестеро всадников в кожаных куртках, с мечами на поясах и арбалетами в руках. Впереди — высокий, сухой мужчина с длинным шрамом на щеке и холодными глазами.

— Вы те самые лекари? — спросил он, глядя на меня сверху вниз.

— Мы лекари, — ответил я. — А вы кто?

— Я — голос дона Мигеля. Он хочет поговорить с вами. Вы поедете с нами. Добровольно или связанными — решать вам.

— А если мы откажемся?

Он усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

— Тогда я скажу своим людям, что вы колдуны. И толпа сделает всё сама. Выбирайте.

Я посмотрел на Мануэля. Тот стоял, скрестив руки, и смотрел на всадников с таким видом, будто прикидывал, куда воткнуть нож, чтобы убить наверняка.

— Мы поедем, — сказал я. — Но не связанные. И вернёмся, когда закончим разговор.

— Это не вам решать, — сказал человек со шрамом.

— Это всегда решать нам, — ответил я.

Мы сели на лошадей — нам дали двух захудалых кляч, явно для унижения. Мануэль молчал всю дорогу, только один раз, когда за поворотом скрылась деревня, спросил:

— Зачем ты согласился?

— Чтобы увидеть его дом, — ответил я.

Впереди, на холме, показалась каменная ограда с коваными воротами. Из-за них донёсся запах — сладковато-гнилостный, как от старого мяса, присыпанного специями. Я знал этот запах. Он всегда идёт там, где смерть пытаются спрятать под цветами. Мануэль покосился на меня, ничего не сказал. Только перехватил нож в рукаве.

И я понял, что мы только что вошли в логово — и выйдем из него не раньше, чем найдём тела тех девочек. Или не выйдем вовсе.

Глава 4. В логове

Каменные ворота с коваными створками лязгнули, пропуская нас внутрь. Я насчитал шесть человек в кожаных куртках поверх кольчуг — бывшие наёмники, судя по выправке и тому, как они держали арбалеты: направлены в пол, но палец на спуске. Профессионалы. Это усложняло дело.

Двор усадьбы был вымощен крупным булыжником, кое-где поросшим мхом — после ночного дождя камни блестели, как спина червя. Слева — конюшня на десяток лошадей, справа — псарня, откуда доносилось рычание и звон цепей. Прямо — двухэтажный каменный дом с узкими окнами-бойницами, затянутыми бычьим пузырём вместо стёкол — внутри, должно быть, царил полумрак даже днём. Вверх вела широкая лестница с каменными львами по бокам — дешёвая роскошь, которая должна была внушать страх. Мне она внушала только брезгливость. Из трубы валил густой дым — топили чем попало, чтобы сэкономить дрова. Запах смолы и сырости смешивался с чем-то сладковатым — тем самым, который мы чуяли ещё у ворот.

— Слезайте, — приказал человек со шрамом, которого слуги называли «майордом». — Сеньор ждёт.

Мы спешились. Лошадей увели в конюшню, а нас повели в дом. Внутри пахло дорогим воском, которым натирали полы, и тяжёлыми благовониями — слишком сладкими, чтобы просто нравиться. Слишком густыми, чтобы скрыть то, что было под ними. Мануэль, проходя мимо резного шкафа, едва заметно повёл носом. Я спросил взглядом. Он ответил: «Трупный запах. Под сладкой дымкой». Я кивнул — сам учуял.

Гостиная, куда нас привели, была обставлена с претензией на столичный вкус: тяжёлые дубовые кресла, гобелены на стенах с охотничьими сценами, камин из тёмного мрамора, в котором горел огонь. Посреди комнаты стоял длинный стол, накрытый на две персоны — хрусталь, серебро, вино в графине. Бокалы уже наполнены. Дожидались.

— Проходите, — раздался голос из глубины комнаты.

Дон Мигель де Авила поднялся из кресла у камина. Ему было лет сорок пять — пятьдесят, но ухоженное лицо с гладко выбритыми щеками казалось моложе. Одет в чёрный бархатный камзол с серебряной вышивкой, на пальце перстень с рубином — таких размеров я не видел даже у толедских герцогов. Высокий, плотный, с тяжёлым подбородком и холодными серыми глазами, которые смотрели так, будто ты уже труп, просто ещё не знаешь об этом.

— Вы — лекари, — сказал он, подходя к столу. — Садитесь. Вино? Оно из моих виноградников. Лучшее в этих горах.

— Мы не пьём с незнакомцами, — ответил я, оставаясь стоять.

— А мы и не незнакомцы, — дон Мигель усмехнулся, разливая вино себе. — Я знаю, кто вы. Диего де Альмасан, бывший следователь Святой канцелярии. И Мануэль, чьё имя даже в Толедо произносят шёпотом — лекарь, который умеет лечить и пытаться с одинаковым мастерством. Вы сбежали из столицы после того, как ваши враги прижали вас к стенке. Вы — беглецы. Ищите убежище. А нашли — мою деревню.

Он отпил вино, не отводя от меня взгляда.

— Я не ошибся?

— Не ошиблись, — сказал я. — Но вы забыли одну деталь.

— Какую?

— Мы не ищем убежища. Мы ищем правду.

Дон Мигель отставил бокал. — Правду? О том, что вы перешли дорогу герцогу Альбе и его людям в Толедо? Что вы копнули слишком глубоко, нашли следы заговора, а вас объявили еретиками? Ваша правда, господа лекари, уже никому не нужна.

— Нужна, — сказал я. — Тем девочкам. Которых вы убиваете. И которые всё ещё могут быть живы.

— Вы смеете обвинять меня, имея за спиной приказ об аресте?

— А вы смеете запирать детей в подвале, имея за спиной шесть наёмников?

Дон Мигель усмехнулся — широко, обнажив жёлтые зубы. Улыбка не касалась глаз.

— Правду? О девочке, которую нашли в овраге? О тех, кто пропал до неё? О том, что прячется в подвале вашего дома?

Тишина стала плотной, как смола. Человек со шрамом, стоявший у двери, положил руку на эфес меча. Мануэль не шелохнулся, но я знал: его нож уже переместился из рукава в ладонь.

— У меня нет подвала, — сказал дон Мигель, допивая вино. — Есть погреба. Для вина. Хотите посмотреть? Там только бочки.

— Покажите.

Он поднял бровь, удивлённый моей наглостью. Потом медленно поставил бокал, вытер губы салфеткой из той же ткани, что и камзол — чёрный бархат с серебряной нитью.

— Хорошо. Покажу. Но вы заплатите за это.

— Чем?

— Правдой. Своей. Зачем вы здесь на самом деле? Неужели вы поверили этой деревенщине, что я убиваю девочек? Я — сеньор. У меня есть земли, крестьяне, доходы. Зачем мне убивать тех, кто приносит прибыль?

— Люди убивают не только ради прибыли, — сказал Мануэль. — Иногда ради власти. Или удовольствия. Или чтобы скрыть то, что уже сделали.

— Ты много говоришь, лекарь, — дон Мигель посмотрел на него с холодным любопытством. — Для человека, чья голова оценена герцогом Альбой в пятьсот золотых.

Я внутренне напрягся, но не подал вида.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть связи. Не только в Толедо. Ваши враги — мои друзья. Они будут рады узнать, где вы прячетесь. Так что, может быть, вы присядете и расскажете мне настоящую причину вашего визита? Без лжи.

Я сел. Мануэль остался стоять — у двери, на случай, если придётся быстро уходить. Дон Мигель не возражал. Он налил себе ещё вина, откинулся в кресле, положил ногу на ногу. Сапоги — мягкая кожа, без единой царапины. Такую обувь носят те, кто никогда не ходит пешком.

— Я здесь, потому что кузнец пришёл ко мне и сказал, что в этих местах пропадают девочки, — ответил я. — Я следователь. Это моя работа — искать правду, даже если никто не просит.

— Твоя работа, — усмехнулся дон Мигель, — закончилась, когда инквизиция объявила тебя вне закона. Теперь ты никто. Просто беглец, который прячется от своих. Или ты думаешь, что я поверю в твоё благородство?

— Я не прошу верить. Я прошу показать подвал.

Он смотрел на меня долго — так, что я услышал, как потрескивают дрова в камине. Потом встал, взял со стены факел.

— Идём. Но если вы ничего не найдёте, вы уйдёте из моих земель. И никогда не вернётесь.

— Договорились.

Мы пошли за ним. Коридоры были узкими, с низкими сводами, пол — каменный, скользкий. Пахло сыростью, плесенью и тем самым сладким запахом, который я учуял ещё у ворот. Мануэль шёл за мной, бесшумно, как тень. Я слышал его дыхание — ровное, спокойное.

— Здесь, — сказал дон Мигель, останавливаясь у деревянной двери, окованной железом. Он отодвинул засов, толкнул створку.

За дверью была лестница, уходящая вниз. Сырой воздух ударил в лицо — холодный, тяжёлый, с привкусом металла. И запахом. Тем самым.

— Спускайтесь, — сказал он. — Только осторожно. Ступени скользкие.

Мы спустились.

Подвал оказался большим, с низким сводчатым потолком. Вдоль стен — дубовые бочки, на них таблички с датами: «1486», «1487», «1488». Вино. Много вина. Но не только.

В дальнем углу, за бочками, была ещё одна дверь — каменная, без ручки. Я подошёл, провёл пальцем по щели. Щель была свежая — видно, недавно выдолбили.

— Что там? — спросил я.

— Старый ледник, — ответил дон Мигель, не двигаясь с места. — Завален хламом. Не открывали много лет.

— Откройте.

— Не могу. Ключ потерял.

Я посмотрел на Мануэля. Тот подошёл к двери, прижался ухом.

— Слышу, — сказал он.

— Что?

— Тишину. Но тишина — не значит пустота.

Дон Мигель стоял у лестницы, держа факел высоко. Его лицо было в тени, но я видел, как побелели костяшки его пальцев.

— Вы нашли то, что искали? — спросил он. — Бочки с вином. Всё как я говорил.

— А девочка? — спросил я. — Девочка, которую вы мучили две недели, а потом выбросили в лесу?

— Я не...

— Не лгите, — перебил Мануэль. Он достал из-за пазухи тряпицу, развернул. В ней лежал обрывок ткани — синего шёлка, с вышитой монограммой «М». — Это мы нашли в овраге, рядом с телом. Такая же ткань — у вас на камзоле. Та же монограмма. Вы, случайно, не теряли платок?

Дон Мигель побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Это ничего не доказывает. У меня много вещей. Кто-то мог украсть.

— Кто-то, кто знает вас лично? — я шагнул ближе. — Кто-то, кто имел доступ к вашему гардеробу? И кто потом бросил платок в овраг, где лежала мёртвая девочка? Вы в это верите?

— Я верю в то, что вы — беглые преступники, и ваши слова не стоят и ломаного мара-веди.

— А наши глаза?

Я показал на пол за бочками. Там, где земля была утрамбована, виднелись тёмные пятна. Кровь. Старая, вьёвшаяся, но её было много. Мануэль опустил на корточки, провёл пальцем.

— Кровь человеческая. И не одна. Следы волочения — сюда, к стене. Если я прав, за этой дверью — ещё одна комната. Или колодец.

Дон Мигель усмехнулся. Усмешка вышла кривой.

— Вы умные, — сказал он. — Но слишком умные для того, чтобы остаться в живых. Вам следовало уехать, когда я дал вам шанс.

Он свистнул.

Сверху, с лестницы, раздался топот. Человек со шрамом и двое наёмников с арбалетами спустились в подвал. Стрелы смотрели на нас.

— Обыщите их, — приказал дон Мигель. — И свяжите. Мне надоели эти игры.

— Вы делаете ошибку, — сказал я, пока наёмники отбирали у нас ножи.

— Это вы сделали ошибку, когда сунулись не в своё дело.

Связали грубо — заломленные руки, верёвка впивается в запястья. Но мы не сопротивлялись. Потому что я знал: через час, максимум два, Педро поймёт, что мы не вернулись, и начнёт искать. А Педро умеет искать.

— Куда их? — спросил человек со шрамом.

— В дальнюю бочку, — дон Мигель указал на угол. — За ту, что с вином. Есть там пустая. Закройте крышкой. Утром решу, что с ними делать.

— А если придут из деревни?

— Не придут. Они слишком боятся.

Нас засунули в пустую винную бочку. Темнота. Даже щелей нет. Только запах — кислый, удушливый, как в могиле. Я слышал дыхание Мануэля рядом — ровное, спокойное. Он даже не пытался освободиться.

— В следующий раз, когда меня захотят угостить вином, — прошептал я, — я предпочту выпить на месте.

Мануэль усмехнулся — первый раз за весь день.

— Ты как? — спросил я.

— Нормально. Педро придёт.

— А если нет?

— Тогда подождём.

Я прислонился спиной к дереву, закрыл глаза. В голове прокручивал последние минуты. Платок мы нашли? Нет. Мануэль солгал про платок. Но дон Мигель поверил. Или сделал вид, что поверил. Зачем?

— Он нас боится, — сказал я.

— Кто?

— Дон Мигель. Он не уверен. Поэтому и спрятал, а не убил сразу. Хочет подумать.

— Хочет найти способ убрать нас так, чтобы никто не спросил.

— Или чтобы спросили, но не нашли ответа.

Мы замолчали.

Я закрыл глаза, прислушиваясь к себе. Голова чуть кружилась — кислород уходил, и тело начинало паниковать раньше, чем я успевал приказать ему не паниковать. В моём времени я читал отчёты о спасении из завалов: человек в замкнутом пространстве может продержаться часов шесть-восемь, если дышит ровно и не двигается. Если двигается — меньше. Если паникует — ещё меньше. Я лежал неподвижно, стараясь замедлить пульс. Рядом Мануэль дышал редко, почти не слышно — он тоже знал, что делать. Я подумал о том, как в двадцать первом веке достали бы нас из этой бочки: тепловизор, гидравлические ножницы, бригада спасателей. Здесь был только Педро. И я надеялся, что он придёт быстрее, чем воздух кончится.

Где-то над ними, за толщей камня и земли, кто-то ходил. Я слышал шаги — тяжёлые, грузные. Потом голоса. Потом — скрип.

— Они открывают ту дверь, — прошептал Мануэль. — Каменную. Слышишь?

Я прислушался. Да. Тяжёлый камень скрежетнул по камню, потом глухой стук — упал на пол. И запах. Тот самый, сладковато-гнилостный, который мы чуяли у ворот. Только в сто раз сильнее.

— Теперь ты веришь? — спросил я.

— Верил с самого начала, — ответил Мануэль. — Просто хотел убедиться.

Шаги приблизились к нашей бочке. Кто-то остановился, тяжело дыша. Я замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.